

Норкин Сергей

ПЕРСОНА

— Ты, Костя, только посмотри. Их же нельзя остановить!.. Сергей Юрьевич протягивает мне увесистую папку — сценарий спектакля под рабочим названием “Остап Бендер. 30 лет спустя”, написанный каким-то неизвестным писателем-сценаристом... — И они искренне считают, что я буду ломать эту комедию... Не знаю, куда и деваться от подобного рода предложений. На это без слез и не взглянешь. Даже читать не хочется, не говоря уже о том, чтобы участвовать в подобном фарсе... И все как один хотят быть Ильфом и Петровым. То, что сейчас происходит в культуре, и этот сценарий, как подтверждение моих слов, — настолько нелепо, что мне порой становится страшно...

Сергей Юрьевич Юрский, актер, режиссер, писатель. Не любит много говорить о своих старых фильмах и вообще предаваться воспоминаниям. Считает, что нужно говорить о будущем. Оно, уверен он, должно формироваться сегодня, главное — это дело не запустить...

— Сергей Юрьевич, вы так часто повторяете, что текущая действительность — НЕ ВАШЕ ВРЕМЯ. Случаем не преувеличиваете? — Нет. В этой “сегодняшней культуре” существуют молодежные культурные тенденции. Есть стадионы (12 часов нон-стоп концерта), есть клубы, как ночные, так и дневные. Но когда эта самая “новая культура” завоевывает театр, пусть и психологически, складывается ощущение, что у меня лично отнимают последнюю территорию... Я уже 50 лет на сцене, уже сам отражаю определенный слой. И то, что происходит, — это своего рода наступление на последнее пристанище, на кусок территории. За этот кусок я и борюсь.

— С кем боретесь-то? — Да с людьми. Борюсь мускульно — не попянешь. Остается вызывать на дуэль. Я, кстати, даже пытался вызвать одного человека на дуэль, но, честно говоря, и сам понимал, что ни он не придет, ни я. Это в итоге всего лишь пустые слова... Остается одно оружие для борьбы — насмешка. Я сейчас, к примеру, пытаюсь освоить пьесу Друцэ о Сталине, в которой он мне предложил сыграть. Но мне не хватает там насмешки. Если мне удастся ее привнести и автор согласится с этим, я буду это делать.

— Так что же конкретно в “не вашем времени” вас больше всего-то не устраивает? — Ежедневность общения ушла. Все изменилось, ни у кого нет времени, все стало раздражительными. Это возрастное, но, как я замечаю, касается и более молодых людей.

— Согласен. Но и вы, несмотря на все ваше неприятие действительности, играете по правилам этой самой действительности. Работаете в четырех театрах, успеваете режиссировать, успеваете писать книги — своими же действиями противоречите себе. Тоже своего рода спешите жить? — Я сейчас очень спешу. Потому что чувство уходящего времени очень сильно. Я, кстати, никогда и никого не упрекал в том, что он спешит жить.

— Значит, продолжаете, как вы когда-то написали, играть в теннис в одиночку, раздражаясь на непришедшего партнера. Стучать о стенку не устали? — Что поделаешь? Только этим и занимаюсь. Пытаюсь найти партнера через книжки, через то, что делаю в театре...

— Так почему все же в одиночку? У вас мало друзей? — Очень мало. Это как раз возрастное, мне кажется. Общение уменьшилось по множеству обстоятельств. Конкретно — телевизор, Интернет — это все анти.

— Но это же не зло! Это развлечение... — Это большое зло. Зло для диалога, для разговора. Люди, которые сядились за стол пить водку, еще и разговаривали.

— А что, давайте тогда и от электричества откажемся, будем при свечах жить! — Не в этом дело. Просто есть определенные люди. Есть люди, которые принципиально никогда не читают газет, они им не нужны. Таких людей немало. В это трудно поверить тем, кто живет в мире информации...

— Вы как-то сказали, что актерам платят либо очень много — безобразно, постыдно много, — либо постыдно мало. Но середины, простого прожиточного минимума, в этой профессии нет. Если середины нет, а вы не безобразно богатый человек, то получается... — Я человек, не стремящийся стать богатым... — А разве это порок — быть богатым? — Это не порок. Просто я к этому не стремлюсь, потому что это для меня обременительно. Во всяком случае, цели стать миллионером нет.

— Помните, когда вас заснаком спросила: “Почему вы не уедете с семьей в Швейцарию хотя бы на полгода?” — вы ответили: “У меня нет такой финансовой возможности...” А что плохого в том, чтобы вам с вашим именем подзаработать неплохие деньги, на рекламу например? — Мы — люди советского времени. В принципе, именно оттуда — бедность как принцип жизни. Я знаю, что такое тесная жизнь, я знаю, что такое нужда. Но, к счастью, я не знал в жизни, что такое настоящий голод, или отсутствие близких людей, или унижение полное, одинокое, когда некому пожаловаться, я не знал этого. А ведь сколько людей это знает.

— Значит, несмотря на то, что о вас пишут как о знаменитости трудной судьбы, полной лишений и гонений, вы продолжаете стоять на том, что это не так? — У меня была, слава богу, счастливая судьба...

— А как же ваши тяжелые времена в Ленинграде, преследования обкома, интерес КГБ, перекрытый кислород на телевидении?.. — Практически у каждого человека, жившего в то время, имеются в биографии подобные факты. Я, в конце концов, в тюрьме не сидел и в армии не служил...

— Хорошо. А как насчет сегодняшней культуры: Стогов, Сорокин в художественной литературе и группа “Ленинград” в музы-

ственных профессий вычеркнута. Все стали артистами, все, кто появляется на экране. Частота появлений, костюмировка и обстановка вокруг плюс еще раскрутка и пристегнутые к ней фальшивые рейтинги все определяют... Драматический театр, может быть, страдал некоторой статичностью, но постепенно его переключило в обратную сторону и он потерял то, ради чего существует — диалог, слово, оно ушло на семнадцатое место. Поэтому мне жаль сегодняшних молодых артистов. Они — инструменты в чужих руках.

— Но мы все инструменты в чужих руках. — Я не был инструментом, и мои коллеги не были инструментами. Мы были артистами.

— Я недавно по телевидению видел интервью Киркорова, который сказал, что мюзикл “Чикаго” финансово провалился, но зато он лично открыл для себя новое амплу — драматического актера...

— Сейчас всем кажется, что очень просто быть драматическим актером, но они ошибаются, потому что так сыграть,

Сергей Юрский:
“Я не живу страхами, но много боюсь!”

вердиться, перевернуть мир, заявить новую истину, перечеркнуть другие. Когда он все уже испытал, впал в полное отчаяние и понял, что ничего в итоге не вышло, — остается женщина. Она осталась ему верна и до сих пор слушает его и даже те крупицы смысла, которые есть в его бормотании, понимает. Поэтому любовь женщины — это намного выше, чем просто любовь зрителя. Это несравнимо выше...

— А мужчина всегда глава семьи? — Нет, бывает иначе.

— В вашей семье последнее слово всегда за вами? — Нет, Наташа — человек совершенно автономный, абсолютно независимый.

— Из-за этого вам труднее существовать вместе? — Я не знаю, с чем сравнивать, потому что ее вкус, ее реакция, которую я за долгие годы научился чувствовать, — она и по сей день для меня определяющая. И я сразустораживаюсь, если ее реакция отрицательная. Потому что я доверяю ее интуиции и чувствительности.

— Она и есть ваш первый критик? — Когда как. Бывают вещи, которые мы просто не успеваем друг другу показать. Сейчас она, например, участвовала в спектакле “Обрыв”, который еще недавно шел по радио “Россия”. Судя по всему, это было замечательно. Я услышал только одну-две передачи и понял, что это высокий класс. Наташа — классная актриса. Она тоже не всегда успевает увидеть мои работы. Работаем мы оба много. Много вместе времени проводим, но и врозь тоже много. И ей, и мне порой просто бывает некогда.

— Каково это — быть дедушкой? — Это — очень хорошо.

— А вы хороший дедушка? — Я хороший дедушка!

— Какой вы видите дальнейшую судьбу своего внука? — Это очень интересно... Потому что я наблюдаю человека, который мне очень нравится. Я бы хотел не то чтобы он был похож на меня, но чтобы мои идеалы были близки ему.

— Но все же он будет расти в другом обществе. Будет развиваться как личность в “не вашем времени”... — В другом — это правда. И я не могу на это повлиять.

— Правильно говорят, что артист — самая неуравновешенная в психологическом смысле профессия? — Я считаю, что человек должен стремиться к уравновешенности. А там как Бог дал... А вот когда стремятся к неуравновешенности и в связи с этим начинают уходить в крайности — это плохо. “Я вот чего-то очень уравновешен, давай-ка я водки выпью и выйду на сцену выпивши...”

— А вы ни разу... — Нет.

— И даже когда с дочкой в спектакле “После репетиции” вместе играли, причем своего рода любовные сцены? — Принципиально не пью. Мне и так хорошо с дочкой играет. Она очень хорошая артистка.

— Вы объективны сейчас? — Абсолютно. Она по-настоящему владеет профессией. Она хотела быть артисткой МХАТа, она хотела учиться этой системе искусства. Правда, как я уже говорил, это все оказалось не ко времени.

— Ваш самый любимый западный артист — Аль Пачино, если не ошибаюсь?

— Да, очень люблю. Он перевоплощается, в отличие от 99 процентов артистов.

— А каково у вас в целом отношение к голливудскому кино? — Оно классное. И это факт...

— Наш кинопрокат может так возродиться? — Нет. Мы можем только сдаться с белым флагом, что нам и предлагают. Голливуд довольно страшное дело, при том, что это великая империя, как и Америка — великая страна. Конечно, они претендуют на то, чтобы всех сделать своими провинциями.

— И через сколько же лет Америка станет госпожой мира? — Тут-то она и лопнет, мы же знаем — Римская империя и советская империя... Крах неизбежен...

— А как вам “Тату”? Все тот же коммерческий продукт, так обильно представленный по ту сторону большой атлантической лужи. Ведь большая часть наград этим коллективом как раз и получена в Голливуде на всевозможных тамозных музыкальных конкурсах... О них весь мир теперь говорит... — Нахальные две девчонки. Не говорит о них весь мир. Это все абсолютно выдуманное вещи, которые насильно втискиваются в сознание. И Голливуд... Что такое? Голливуд — фабрика грез... Это все чепуха... То, что получили эти две наглые девчонки, ну пусть получат. Дальше что? Это что, признание России? Это русское искусство? Несерьезно все это. Это система продаж. Какое мне дело до того, какая группа лучше продается. Это важно для тех, кто продает крупу.

— А как вы патриот, и если я ругаю свою страну, то я не обязан хвалить другую. Все продажи, все ежедневные, как я уже говорил, рейтинги... каждые три минуты меняющиеся, представляющиеся... Все вранье.

— Хорошо. А как насчет сегодняшней культуры: Стогов, Сорокин в художественной литературе и группа “Ленинград” в музы-

ПАРК ПОРОКОВОГО ПЕРИОДА

как Женя Миронов сыграл Мышкина, фиг получится. Как бородку ни приклеивай, как шляпу ни надевай. Надо быть драматическим актером. Яковлев? Яковлев — он сам по себе выдающийся актер, мой друг, но я не сравниваю эти фильмы. Тот фильм — картинки к произведению Достоевского. А эта картина — выдающееся самостоятельное художественное произведение.

— “Идиот” побил все мыслимые и немыслимые телерейтинги!

— Очень рад, только не верю я ни в какие рейтинги, все вранье. Качество фильма не определяется количеством зрителей. Истина абсолютно не зависит от рейтингов. Вот возьми хамство, которое существует посреди чудовищного количества куполов церквей и колокольного звона. Прекрасно, что много церквей, но между ними полное хамство того, как люди друг к другу относятся, как ставят автомобили, как перегораживают дорогу друг другу, как занимают место, чтобы никому не дать уже никуда влезть. И у каждого иконка на “бардачке”.

— Вы действительно ничего не боитесь? — Кто так сказал?

— Вы! На вопрос “А вы не боитесь...” вы ответили: “Я боюсь? Мне вообще нечего бояться”.

— Нет таких людей, которые ничего не боятся, я очень много боюсь. Я не живу страхами, но я много боюсь.

— А завтрашнего дня? — Конкретно завтрашнего... Я боюсь, что нога разболится. Это будет ужасно!

— Вы — известный и любимый актер. Вам дорога любовь зрителей? — Любовь зрителей — это настолько неверное дело... Приходится ежедневно бесконечно любить зрителя для того, чтобы от него была отдача. Эта взаимность — обязательна. А вот любовь женщины — это, может быть, вообще самое высокое, что только есть в этом мире. Про это и пьесы и спектакли. Когда мужчина уже пережил все свои тщеславные, тщетные попытки самоут-

кальном, например, плане? Вы вообще-то обращаете внимание на актуальных героев молодой поросли? — Обращаю. Я полагаю, что, как сказано у Чехова, всякому безобразию есть свое приличие. Антигуманизм, антихристианство, бесовщина — это основной вектор сегодняшнего дня, но по телевизору смотрел. Она выделяется из массы того, что вызывает у меня чувство отвращения. Первый раз слышу фамилию Стогов. Что касается Сорокина, я его читал и полагаю, что он человек, владеющий пером, но мне он отвратителен.

— А как вы относитесь к сегодняшней артистической молодежи — Миронов, как я понял, вам симпатичен, а Безруков? — Безруков — американского толка человек.

— Да! Но как он Пушкина играет... — Я не видел. Хорошо играет?

— Мне кажется, очень искренне играет: он даже плачет на сцене.

— Это очень плохо, если плачет. Это плохой знак.

— Почему? — Не надо плакать на сцене, плакать должны зрители.

— Кстати, в одном из интервью вы сказали, что вам жалко молодых артистов. Это почему же?

— Потому что профессия наша из заслуженно уважаемой и находящейся в ряду других художе-

как Женя Миронов сыграл Мышкина, фиг получится. Как бородку ни приклеивай, как шляпу ни надевай. Надо быть драматическим актером. Яковлев? Яковлев — он сам по себе выдающийся актер, мой друг, но я не сравниваю эти фильмы. Тот фильм — картинки к произведению Достоевского. А эта картина — выдающееся самостоятельное художественное произведение.

— “Идиот” побил все мыслимые и немыслимые телерейтинги!

— Очень рад, только не верю я ни в какие рейтинги, все вранье. Качество фильма не определяется количеством зрителей. Истина абсолютно не зависит от рейтингов. Вот возьми хамство, которое существует посреди чудовищного количества куполов церквей и колокольного звона. Прекрасно, что много церквей, но между ними полное хамство того, как люди друг к другу относятся, как ставят автомобили, как перегораживают дорогу друг другу, как занимают место, чтобы никому не дать уже никуда влезть. И у каждого иконка на “бардачке”.

— Вы действительно ничего не боитесь? — Кто так сказал?

— Вы! На вопрос “А вы не боитесь...” вы ответили: “Я боюсь? Мне вообще нечего бояться”.

— Нет таких людей, которые ничего не боятся, я очень много боюсь. Я не живу страхами, но я много боюсь.

— А завтрашнего дня? — Конкретно завтрашнего... Я боюсь, что нога разболится. Это будет ужасно!

— Вы — известный и любимый актер. Вам дорога любовь зрителей? — Любовь зрителей — это настолько неверное дело... Приходится ежедневно бесконечно любить зрителя для того, чтобы от него была отдача. Эта взаимность — обязательна. А вот любовь женщины — это, может быть, вообще самое высокое, что только есть в этом мире. Про это и пьесы и спектакли. Когда мужчина уже пережил все свои тщеславные, тщетные попытки самоут-